

Анна Скопина

На стыке двух религий

В городе Глубокое проживают две совершенно разные семьи, чьи пути пересеклись в культурном пространстве разных конфессиональных традиций. Удивительно, что семьи с разными вероисповеданием и жизненным опытом являются друзьями, свободно обсуждают вопросы религии, истории города.

Маргарита Яковлевна Шнейвайс (родилась в г. Борода, 1957 г.р., еврейка) осветила все стороны своей жизни, рассказала о своей семье, поделилась своими мыслями и взглядами. Она вышла замуж за Владимира Лазаревича Шнейвайса (родился в 1948 г. в Шарковщине), сына уважаемого человека. Его отец, Лазарь Пейсович Шнейвайс, был банкиром в Глубоком. Маргарита Яковлевна вспоминает, что свекор был «коммунист – и все, никаких еврейских традиций». Воспитывался дядей, который также не соблюдал кашрут. «Такая семья, не было религии. Они как-то не придерживались, как моя бабушка, допустим... у нас все было: и язык, и кухня», – говорит Маргарита Яковлевна.

Муж нашей героини также человек советской закалки, вопросы о еврейских праздниках вызвали дискуссию:

– Что такое Йом Киппур, вы знаете? – спрашиваю.

– Йом Киппур – это когда? Тихо! [пытается вспомнить]. Суккот-то я знаю, там деревья сажают, все это, – говорит Маргарита Яковлевна. – А Йом Киппур, вы это самое, я займусь этими книжками. Все у меня это есть, просто все путается, столько праздников.

– А что такое *Будки*? – снова задаю вопрос.

– Это же перед Пасхой, – отвечает Маргарита Яковлевна.

– Я не понимаю, что такое Будки, – вступает в разговор Владимир Лазаревич. – А-а-а, Будки! Это во время Пасхи.

– Это еще соседка кричит: «Погода плохая – Будки уже», – вспоминает Маргарита Яковлевна. – А это что такое, Пасха?

– Да, это Пасха, – отвечает Владимир Лазаревич.

– Соседка кричит: «Евреи заседают – погода испортилась». Ну, заседают, значит, Пасху отмечают, – повторяет Маргарита Яковлевна.

На вопрос, хотел ли он стать ближе к иудейской вере, Владимир Лазаревич ответил так: «Раньше

их тут много было, а теперь куда, нет никого, неинтересно». Родители Маргариты Яковлевны также были людьми советскими, отошедшими от религиозных традиций. Сама же она пару лет назад, когда не могла уже справляться со всеми превратностями судьбы, приняла крещение: «Синагоги здесь нет, я бы, может, и в синагогу ходила, <...> муж заболел, ну и перекреститься хотел, и потом стало легче, поменялось кое-что». Маргарита Яковлевна призналась, что в семье были беды и болезни, хотелось получить духовную поддержку, а православие рядом. Но, несмотря на то что наша собеседница исповедует православие, считает она себя еврейкой. И говорит, что «все произошло от евреев».

Маргарита Яковлевна читает книги как о православии, так и об иудаизме. Все вопросы, связанные с иудаизмом, обсуждает с другом семьи – Олегом Борисовичем Парфёновым (1969 г.р.). Она просит нас, интервьюеров, задавать все вопросы непосредственно ему. Так что следующим собеседником стал именно Олег Борисович.

Несмотря на то что герои нашего очерка в силу жизненных обстоятельств развели свою этничность с предназначенной им традицией религиозной принадлежности, они стараются все обсуждать с духовно близкими людьми. И это отнюдь не всегда прицерковный круг, скорее это круг интеллигентов-единомышленников.

Когда заходишь в дом к Олегу Борисовичу, взгляд падает на мезузу, которая прикреплена к двери. Олег Борисович Парфёнов родился в Глубоком. С большим энтузиазмом рассказывает о своей семье.

«Мой прадед ездил в Америку, заработал денег и купил землю. Дед закончил Виленский университет при царе, был судьей, учителем в Докшицах. Пришли в 1939-м году „советы“, „освободили“ от земли, – говорит Олег Борисович, немного улыбаясь и подмечая, что это в кавычках, – у нас было пять лошадей, семь коров, около 20 га земли, лучшая библиотека в округе, как говорил мой отец. Во время войны партизаны в помойном ведре немца искали, на бабушку кричали: „Где золото дели?“ Дом спалили. Бабушка должна была скитаться с детьми. Дед пошел в Докшицы за хлебом, не воевал, и пропал, ну наверняка по подозрениям каким-то как еврей. Такое что-нибудь. Сам я его не видел, но могу показать фотографию».

Бабушка и дедушка Олега Борисовича в день свадьбы

Олег Борисович отлучается на несколько секунд к шкафу и достает фото. Черно-белая фотография в деревянной рамке, на которой изображен один из счастливейших моментов в жизни человека – свадьба. Дед, статный, в пиджаке и белой рубашке, держит под руку невесту – бабушку Олега Борисовича.

Я показываю карту Глубокого и спрашиваю его о топонимах и расположении бывших еврейских мест.

«Синагога находилась на пересечении Московской улицы и Кирова. Рядом находилась миква, так как для существования миквы нужны проточные воды. Раньше по улице 3 Июля был ручей, сейчас все это заросло, канава. Вторая синагога была в районе бывшей музыкальной школы», – отвечает Олег Борисович.

Спрашиваю у Олега Борисовича: «А вы в церковь ходите?» – «Хожу». – «В православную?» – «Нет, не в православную. Вы же не видите здесь у

Олег Борисович Парфенов

меня (показывает на стены, намекая на иконы). Вы понимаете, о чем идет речь». – «Ездите в Минск?» – «Синагога ближайшая в Полоцке, Минске».

Информант утверждает, что он не еврей, а белорус, но при этом старается соблюдать кашрут, а именно – не может есть свинину: «У меня отвращение, что это нечистое животное. Рамбам говорит, что отчиститься никак не сможешь, какие бы

благословения ни произноси над этим мясом. Да и потом, сама процедура его приготовления, это невозможно, чтобы без крови, если говядину еще можно как-то вымочить, то свинину никак. Вот поэтому и не едят. Хотя наши едят. Белорусские. Я задал полоцким вопрос: «Ну а как быть, если пища некошерная, если везде свинина?» Они: «Олег, едь в Израиль!». Спрашиваю, соблюдает ли он кашрут, на что Олег Борисович отвечает: «У меня русская жена, с этим проблемы. Я не могу, когда они котлеты со сметаной едят – как вы это едите? – у меня даже с этим проблемы». Между приемами молочного и мясного у него проходит не менее четырех часов: «Все мои друзья знают, что я не буду есть бутерброд с колбасой и сыром. В наших условиях это все сложно соблюдать, продуктов не купить».

Олег Борисович читает Тору, но утверждает, что ему не хватает жизни, чтобы ее изучить. Больше всего его пугает то, что в сердце человека нет Бога, и сам он полагает, что Бог один. Про гиюр, обращение нееврея в иудаизм, говорит с опаской и немного печальным голосом. В Глубоком нет общины, а ездить постоянно в другой город сложно. По мнению информанта, «религия идет изнутри».

Город Глубокое – место, где органично сосуществуют несколько конфессий, где чтут историю и обычаи. Оба наших героя с почтением относятся к традициям, о которых они узнали не через свою семью в детстве, а шли к ним на протяжении всей своей жизни, читая, общаясь и знакомясь с новыми их аспектами. Именно это и делает их опыт уникальным – попытка совместить религиозную традицию, которой не было в семье, с личным опытом и этнической принадлежностью.